

Смирнов Андрей Борисович

Спуск оказался еще труднее, чем подъем

Родился я 13 марта 1949 года в текстильном городе Приволжске Ивановской области в семье служащих.

Мама, Смирнова (Куликова) Любовь Васильевна, Заслуженный учитель Российской Федерации, завуч средней школы, преподавала русский язык и литературу. Орденосец. Очень уважаемым была человеком, депутатом районного исполкома. Те, кого она учила, всегда с первого раза сдавали её предмет в высшие учебные заведения. Она этим очень гордилась. В нашем маленьком доме всегда было много её учеников, которые приходили сказать ей «спасибо».

Отец, Смирнов Борис Степанович, с первого и до последнего дня участник Великой Отечественной войны, разведчик-артиллерист. Закончил войну в Берлине в 1945 году. Гражданская специальность – агроном. Председатель колхоза. Очень любил землю. Помню, всегда заботился о своих людях, своя семья была на втором месте, простые крестьяне его очень уважали.

В 1966 году я окончил среднюю школу. Я всегда хотел быть военным.

С десяти лет я начал увлекаться спортом, мог играть в футбол один против пяти-шести своих сверстников и никогда не проигрывал. Был очень вынослив, всегда брал пример с взрослых. Играл в футбол за город, потом за Ивановскую область. Волейбол, баскетбол до сих пор мои любимые виды

спорта. Зимой играл в хоккей с мячом и шайбой за город и область. На лыжных кроссах 3, 5, 10, 15 километров очень часто был первым в городе, области, затем в военном училище, а потом в военной академии. По всем видам спорта имею звания и высшие разряды.

Активно занимаясь спортом, забыл о том, что нужно учиться дальше, получать высшее образование. Два года до поступления в военное училище работал слесарем-ремонтником прядильного и ткацкого оборудования на фабрике. По своей специальности слесаря имел 6-й разряд.

В 1968 году я сдал экзамены в Коломенское артиллерийское училище на десантный факультет. А так как я был хорошим спортсменом, то учеба давалась очень легко, и на трудности армейской жизни не обращал внимания. Хорошо занимался, прыгал с парашютом и ждал того дня, когда получу долгожданные погоны офицера Советской Армии.

В 1971 году я окончил училище, моя мечта осуществилась. Меня как одного из лучших выпускников училища оставляли в нем командиром взвода. Но романтика службы потянула в войска, к солдатам. Я имел право выбора и выбрал 98-ю гвардейскую воздушно-десантную Свирскую Краснознамённую ордена Кутузова II-й степени дивизию.

Начал службу в 1065-м артиллерийском полку в должности командира гаубичного взвода. В этом полку, по ступеньке, не перешагивая ни через одну должность (командир огневого взвода, командир взвода управления, старший офицер батареи, заместитель командира батареи, командир дивизиона), прослужил от лейтенанта до подполковника, от командира взвода до заместителя командира полка.

Переезжал с семьей из Веселого Кута в город Белгород и обратно несколько раз, занимал должность заместителя, а потом и начальника штаба артиллерии 98-й гвардейской ВДД.

2-я батарея, а затем и 1-й дивизион, которыми я командовал, были лучшими в части по боевой и политической подготовке. Боевые артиллерийские стрельбы, учения с десантированием и боевой стрельбой на незнакомой местности всегда выполнялись успешно и всегда без происшествий.

Даже имея в батарее по списку 49 человек, а из них 15 мастеров спорта по различным видам, батарея добивалась хороших и отличных результатов. Не случайно в 1976 году мне

было доверено испытание 122-мм самоходной гаубицы «Гвоздика». И на стрельбе и при выброске из самолета на специальной платформе батареи сумела доказать, что такое орудие (первое, самоходное, весом 12,8 т. умеет не только стрелять, но и десантироваться в месте с расчетом в кабине совместного десантирования).

Такие испытания были проведены, и эта самоходная гаубица вместе с людьми десантировалась в «тыл противника» из военно-транспортного самолета Ил-76.

В 1981 году поступил в Военную артиллерийскую академию им. М.И. Калинина на командный факультет, который окончил в 1984 году. После академии получил распределение опять в 98-ю ВДД на должность командира 1065-го АП. Но в связи с тем, что старого командира полка не успели перевести на другую должность, мне пришлось занять должность заместителя командира полка.

В это время шла война в Афганистане, и все офицеры ВДВ прошли через это горнило жизни и смерти. Есть офицеры, которые были в Афганистане по два, а некоторые и по три раза.

В 1985 году я был назначен старшим офицером РВиА ВДВ в город Москву. Мой друг и сослуживец по артиллерийскому полку Калинин Юрий Алексеевич, с которым мы вместе окончили училище (в одном взводе) и академию (в одной группе), в это время командовал 1179-м артиллерийским полком в Афганистане.

В 1987 году в октябре моего лучшего друга Калинина Юрия Алексеевича не стало, он умер от перенапряжения, от переживаний, у него не выдержало сердце. Мы встретили «груз - 200» во Ржеве, на его родине, и с почестями похоронили. На похоронах своего друга я принял решение принять его полк в Афганистане. И через восемь дней я уже был на Пакистанской границе и принимал участие в известной операции «Магистраль» на высоте 3234 вместе с командиром 345-го ПДП Героем Советского Союза В.А. Востротиным. Там в боевой обстановке, а не в Кабуле, где дислоцировался полк, мне пришлось его принимать и им командовать.

На протяжении полутора лет мне пришлось провести 29 боевых операций и не потерять ни одного своего подчиненного. Так было и в дальнейшем до самого вывода Советских войск из Афганистана. Цель, которую я ставил

перед собой и своими командирами, выполнил, все, кто был со мной, вернулись домой к своим близким, каждая мать, пролившая много горьких слез, дождалась своего сына.

Хотелось отметить высокую дисциплину и организованность личного состава. Последние полгода, с августа по февраль, участились обстрелы пунктов дислокации 103-й ВДД. Она находилась вблизи аэродрома Кабул, и душманы, препятствуя вылету самолетов, вели обстрел аэродрома с ближайших высот реактивными снарядами американского и китайского производства, дальность отдельных снарядов достигала 14 километров.

На территории полка были выкопаны перекрытые блиндажи вблизи модулей, и из них велось управление.

Прием пищи осуществлялся повзводно в течение десяти, максимум 15 минут, и так весь полк. Каждый день мной проводилась тренировка с личным составом по действиям при обстреле городка. Личный состав из окон и дверей покидал модуль в считанные секунды и успевал укрыться в блиндаже под землей. Артиллеристы знают, что если снаряд свистит, значит, он пролетел, и уже не опасно. Но звук выстрела порой обманчив. Несколько реактивных снарядов попали в здание клуба части, столовой и парка. К счастью, вернее, благодаря ежедневным тренировкам и жестокому контролю за действиями личного состава, удалось обойтись без жертв. Кто это испытал, тот понимает, для чего нужна железная командирская воля.

Наверное, это было самое серьезное испытание за всю войну. Представьте на маленьком пятачке 800 человек, пусть даже вооруженных людей. Если нет дисциплины, то это - мясо (другого слова подобрать не могу).

И с этой задачей справились, научились слушать и чувствовать - куда летит снаряд, здесь ошибаться нельзя.

Но близился конец войны, части 40-й общевойсковой армии летом и осенью 1988 года начали покидать Афганистан. Одна большая колонна 103-й ВДД вышла домой летом. Часть дивизии была эвакуирована самолетами.

Мне выпала доля выводить свой полк и остатки 103-й ВДД своим ходом, через перевал Саланг в феврале 1989 года. Перевал этот - узкая дорога, только в одном направлении. Даже летом она скользкая, камни отшлифованы гусеницами и

колесами как наждачной бумагой. Февраль, на перевале зима, метет метель, дороги не видно. Заметает все сплошь. Справа горы, слева пропасть. В колонне более 500 единиц техники и полторы тысячи личного состава.

Всю дорогу на перевале я шел пешком впереди колонны, скорость 2-3 км/час, в пяти метрах сзади меня ехала машина управления, а за ней вся колонна. На отвесных склонах гор нависали многотонные глыбы снега, в любой момент готовые свалиться сверху и снести все на своем пути. Так это и случилось в последующем.

Весь личный состав был предупрежден об опасности схода лавин, офицеры также шли пешком, в машинах оставались только механики-водители и водители колесных машин. На перевал Саланг мы поднимались целые сутки, не смыкая глаз. До туннеля, пробитого в скалах, оставалось 200 метров, и в это время, впереди меня, с грохотом и шумом с высоты примерно метров 500-700 сошла лавина.

Передо мной возникла стена из спрессованного снега высотой 3 метра и длиной 30-40 метров. Я был в ужасе, кто-то говорил раньше, что это смертельная опасность, от которой уйти невозможно. Теперь это испытал я сам и представил, что могло произойти, если бы лавина сошла сзади меня. По радиосвязи я дал команду спешиться всем и покинуть технику, выйти с лопатами и ломом в голову колонны и освобождать путь.

Стоять нельзя, с этого момента нужно срочно уходить. Мы вручную откопали завал только через 6 часов. В это время в хвосте колонны, которую замыкала ремонтная рота 357-го полка, сошла вторая лавина и снесла в пропасть три автомобиля «Урал-4320», нагруженных вещами офицеров и солдат. Погибли три водителя, которые не выполнили приказ спешиться и выйти из машин. Мы их достали из пропасти уже задохнувшимися. Когда мы освободили путь и начали движение к тоннелю, оказалось, что 40-тонный танк и БТР-70, находившихся на охране тоннеля тоже снесло в пропасть, но без личного состава.

Тогда я понял, что все-таки есть тот, кто видит, хранит и ведёт по жизни – наверное, это Бог. Я впервые в жизни убедился в том, что от страшной природной стихии спастись невозможно, это действительно страшно, ты перед ней

беспомощен. И есть только судьба, она действительно у каждого своя.

Нам в этот раз повезло, мы снова остались живы. Мы вошли в тоннель, темный, холодный, как бездна, когда впереди ничего не видно, и ты не знаешь, когда это кончится. Ширина его всего 5-6 метров и длина более 2 километров.

Преодолев перевал Саланг мы начали спуск в сторону советской границы в Пули-Хумри. Спуск оказался еще труднее чем подъем, сплошной лед, даже гусеницы тяжелой техники становятся опаснее колес автомобиля.

Спускаясь по перевалу, мы встретили колонну «Уралов», которые везли в Афганистан боеприпасы. Разъехаться невозможно. В этой колонне старшим был сержант, больной прапорщик остался в госпитале Пули-Хумри, и команда о том, что война закончилась до этих людей не дошла. Они выполняли последний приказ - доставить боеприпасы в Кабул. Десять машин пришлось сбросить в пропасть, забрать этих людей и продолжать спуск. Эти боеприпасы уже никому не нужны.

Мы вышли на советскую границу, после напряженной, трудной дороги, ныли ноги и руки, чувствовалась усталость, и в тоже время появилось спокойствие, потому что все уже позади. Но, как оказалось, не тут-то было. Государственный режим Горбачева уже был неуправляем, и сложилось предчувствие, что люди пережившие войну и лишения, никому не нужны.

Из Термеза полк самолетами перебросили в Витебск. Накануне вывода войск партийно-правительственная делегация Белоруссии побывала в полку в Кабуле, интересовалась жизнью полка в боевой обстановке. Это было в конце лета 1988 года.

Полк вернулся на место, откуда уходил десять лет назад в 1979 году. Пришлось самим обустраиваться снова. Один дивизион и спецподразделение были обустроены хуже, чем в Афганистане. В парашютном комплексе не было умывальников и туалетов, не у всех были кровати. Я, командир полка и офицеры управления первые три месяца жили в спортзале на матрацах.

В короткие сроки получили недостающую технику, средства десантирования, обучили личный состав швартовке и

прыжкам с парашютом. Всего за 6 месяцев успели привести полк в полную боевую готовность и сразу же подверглись серьезной проверке с выводом всей техники, покиданием городка, выходом в районы ожидания и швартовкой 64 объектов боевой техники днем и ночью.

И надо отдать должное всему личному составу полка, который в трудных условиях справился с этой задачей. Не каждый командир полка за свое командование (примерно 3-4 года) испытывал свой полк на его прямое предназначение - быть готовым к десантированию вместе с техникой в тыл противника и блокировать его действия. Мне повезло, я испытал чувство гордости за свой личный состав, и получил благодарность от вышестоящего командования.

Ведь это самое главное для чего предназначен воздушный десант. Это основная цель, которой добивался Командующий ВДВ генерал-армии Василий Филиппович Марчелов, - мобильность, маневренность и дерзкие решительные действия в тылу противника. Сначала сковать, а потом уничтожить.

В ноябре 1989 года меня снова назначили старшим офицером аппарата РВиА ВДВ, я понимал, что за это время приобрел огромный опыт, а также уверенность в принятии самостоятельных решений.

В конце 1990 года и начале 1991 года стало ясно, что в нашей Великой Советской державе не все, говоря народным языком, нормально.

В июне 1992 года меня и еще ряд офицеров штаба ВДВ вызывали к командующему ВДВ и поставили задачу: прибыть рано утром на следующий день для выполнения задания. Старшим группы был назначен генерал-майор Лебедь А.И. Форма одежды – полевая, для работы в полевых условиях. Мы выехали на аэродром Чкаловский, где стоял загруженный боеприпасами, медикаментами самолет Ил-76 с красным крестом на фюзеляже. На борту, кроме офицеров ВДВ, находился спецназ ВДВ и врачи госпиталя имени Бурденко.

После взлета генерал Лебедь А.И. вызвал нас и сказал, что мы летим в Тирасполь. Он сказал, что там большая «заваруха».

На аэродром в Тирасполе мы приземлились с горящими колесами, так, как приземляются самолеты в Афганистане,

чтобы их не сбили. Везде слышны звуки выстрелов и чувствуется суеда и напряжение аэродромных служб. Здесь мы узнали, что руководство Молдавии в лице Снегура и Косташа, начало уничтожать мирных жителей в Бендерах и Тирасполе. Счет погибших шел уже на сотни. Средства массовой информации, радио, телевидение – молчат, а здесь идет уничтожение мирных людей. Такого не было даже в Афганистане. Мы вникли в обстановку, нам помогли местные журналисты, показали видео и рассказали, что делают бандитские формирования Молдавии.

Когда мы выезжали в Бендеры на Днестр, видели, как готовят наступление бандиты. Их задачей было - овладеть промышленно-развитыми городами Бендеры и Тирасполь. В Тирасполе оставалась 58-я общевойсковая армия кадрового состава. Офицеры, которые служили в ней, говорили нам, что командующий 14-й ОА Неткачев заставляет снимать с боевой техники средства связи, пульта управления, аккумуляторы, тем самым приводить её в небоевое состояние. Оружие офицерам и другим военнослужащим он выдавать запретил, а кругом идет война. С оружием оказались только мы, офицеры из штаба ВДВ, у каждого из нас был пистолет и автомат.

Проведя рекогносцировку на всем протяжении фронта, мы доложили генералу Лебедю А.И. о том, что нужно принять меры по упреждению нападения бандитов и нанести по ним артиллерийский налет.

Лебедь А.И. сказал, что, если мы это сделаем, то все будем сидеть в Лефортово. Мы с ним не согласились и начали готовить артиллерийские системы. Это дивизион 152-мм гаубиц, 2С3М, дивизион 22-мм гаубиц «Гвоздика» и дивизион РСЗО «Ураган». Офицеры боевой подготовки готовили танковые батальоны.

На совещании, которое проводил Лебедь А.И., был отстранен от должности командующий 14-й ОА Неткачев за трусость и попустительство, поскольку он не принял своевременных мер по урегулированию конфликта и способствовал наращиванию усилий бандформирований Молдовы.

Не с первой попытки, но все же мы убедили генерала Лебеда А.И. готовить технику и людей к наступлению. В Бендерах и Тирасполе была проведена частичная мобилизация

жителей, ранее служивших в Советской Армии. Одновременно, проводя разведку противника и готовя дивизионы к упреждающему удару, я просил Лебеда А.И. и Смирнова, моего однофамильца, вывезти из района боеприпасы – подальше от района боевых действий. В течение трех суток несколькими эшелонами они были вывезены в безопасное место. Мы были готовы нанести упреждающий удар артиллерией и просили генерала Лебеда А.И. утвердить наш план. Спецназом ВДВ было разведано и установлено около 15 целей бандформирований.

Утверждая план нанесения упреждающего удара, генерал Лебедь просил только «попугать по двум целям». Но чтобы остановить конфликт, этого было недостаточно. Я предложил, пользуясь случаем, открыть огонь по всем целям.

Мой сослуживец Медведев В.С. и исполняющий обязанности начальника артиллерии 14-й ОА Чернобривый В.Н. меня поддержали. И мы одним огневым налетом с 3-х до 4-х утра 28 июня нанесли сокрушающий удар, и тем самым остановили кровопролитие. А что происходит сейчас всем известно, а это было, напомним, в июне 1997 года.

Но и это еще не все, оказывается, все еще было впереди. Начала литься кровь абхазов, южных и северных осетин, ингушей, конфликт в Нагорном Карабахе и, наконец, в Чеченской Республике.

Россией управляли случайные прозападные «инвесторы», которые приносили кровь, страдания и унижение целым народам. Уничтожение людей встало на поток и, оглядываясь сегодня назад, становится жутко и мерзко, что в мирное, цивилизованное время огромная, сильная Россия не сумела остановить геноцид своего народа. Это значит, что кому-то это очень было нужно. Теперь мы знаем, для кого и кто это делал с молчаливого и пьяного согласия, прикрываясь ложной борьбой за «демократию», уничтожая молодых солдат и офицеров, бросая их бездумно в пекло гражданской войны, развязывая все новые и новые конфликты.

В эти же дни 104-й парашютно-десантный полк 76-го ВДД, высадившись на аэродроме Владикавказа, совершил марш и вошел в город Цхинвали. Здесь тоже не обошлось без жертв.

В августе 1992 года резко обострилась обстановка в Абхазии. События там показали, что Грузия не может обойтись без насилия и кровопролития.

Вступление грузинских бандформирований сопровождалось обстрелами российских военных объектов, санаториев, домов отдыха, грабежом отдыхающих граждан России и СНГ. Возникла большая угроза захвата и разрушения российских объектов, вооружения и боеприпасов.

В Гудауту был переброшен 345-й ПДП, в Сухуми - 901-й отдельный парашютно-десантный батальон, который в последующем был блокирован грузинскими формированиями. И там были жертвы среди офицеров и их семей. Мне довелось быть участником этого конфликта. В это время у народа Абхазии не было никакого вооружения, защищаться им было нечем. Мы приступили к обучению мирного населения, тех, кто хочет и может держать оружие.

В боевой обстановке проводили тактические занятия и учения на реальной местности. Обучали артиллеристов Абхазии трудной науке - точно поражать цели.

Находясь на наблюдательном пункте вместе с разведчиками Абхазии в 1-1,5 километрах от противника, корректируя огонь артиллерии, уничтожали огневые точки грузинских формирований, топили баржи с вооружением и боевой техникой, шедшие морем из Грузии. Тем самым вызывали огонь грузинской артиллерии и на себя. Находясь на наблюдательном пункте каждый день, поражая цели противника, невольно возникала ситуация артиллерийской дуэли.

Наши позиции хорошо были привязаны и пристрелены грузинами и поэтому их снаряды рвались в непосредственной близости от нас. Как говорят - голову поднять невозможно. Один снаряд прилетел и не разорвался в 4-х метрах от моего наблюдательного пункта. Когда мы его достали - он был без взрывателя, как говорят артиллеристы - не в окснар-виде (окончательно снаряженном виде). Это везение или судьба. Сколько раз уже кто-то отводит большую беду.

В этой дуэли, как позже выяснилось, с грузинской стороны участвовал полковник Кварая Валериан Лаврентьевич, который учился со мной вместе в одной группе артиллерийской академии в Ленинграде. Вот какая

непридуманная бывает история. Я был в период этой войны там дважды, в группировке первого заместителя командующего ВДВ генерал-полковника Чиндарова Александра Алексеевича, который своей активной позицией добивался остановки кровавого конфликта и возвращения российской собственности.

Только его твердые и жестокие действия способствовали сдерживанию и обузданию грузинских формирований. И они, за голову генерала Чиндарова А.А., назначали вознаграждение.

Был и еще один генерал, который в перерыве, когда уезжал генерал-полковник Чиндаров А.А. на короткий отдых, устраивал «бархатный сезон», прекращал ведение боевых действий. Мы его не уважали, это в понимании офицера, или отбыть номер или элементарная трусость.

У меня тоже был перерыв, уехал из Абхазии в конце октября - начале ноября 1992 года. Оказался в Северной Осетии в Осетино-ингушском конфликте, когда ингушские боевые формирования начали блокировать и разоружать посты ГАИ, военные городки, солдат внутренних войск и милицию. Они даже пытались осуществить попытки разоружения частей российской армии, даже стали применять бронетехнику и артиллерию.

Я тогда находился в селе Первомайское в Ингушетии с целью не допустить вооруженного конфликта. Понимал, что в любую минуту могут быть неприятности. Но 1 или 2 ноября 1992 года высадился наш 234-й ПДП 76-й ВДД и с боем, в районе населенного пункта Чермен, заставил обе стороны остановиться, а затем их разоружил.

В этом конфликте тоже погибли десантники. В Нагорном Карабахе тоже были убитые и раненые. Конфликт в Баку, в Ошской области Киргизии, и, наконец, в Чеченской Республике.

И везде, где я перечислил, гибла элита – офицеры и солдаты Воздушно-десантных войск, самые подготовленные, самые смелые и решительные люди. Только они, ценой собственной жизни, смогли остановить гибель, наверно, миллионов жителей бывшего СНГ.

Закончил я службу в 1999 году в должности Председателя научно-технического комитета Воздушно-десантных войск.

Мои предшественники, генерал-майор Островерхов Борис Михайлович и Бражников Юрий Акимович, за разработку и принятие на вооружение уникальных машин десанта БМД-3 и БМД-4 удостоены высокого звания лауреатов Государственной премии СССР.

Мне же, в трудные 1995-1999 годы, когда разработка нового вооружения для ВДВ практически прекратилась, офицеры не получали денежного довольствия в течение полугода, все-таки довелось добиться и закончить испытания «Ноны-С» (Сверстелка, 120-мм артиллерийское самоходное орудие), а также завершить испытания еще более уникального противотанкового орудия 2С25 «Спрут», который наконец-то принят на вооружение и уже поступил в ВДВ.

Декабрь 2011 года